

О СОЦИАЛЬНОЙ ТРЁХЧЛЕННОСТИ

Данная статья является переводом с английского главы из книги автора "Касательно истории Антропософского движения". Статья посвящена попытке предложенного Рудольфом Штайнером кардинального переустройства общественных структур в тяжелейший для Германии и Европы (и мира, как вскоре оказалось) период после окончания Первой мировой войны. Социальные идеи Штайнера, актуальность которых за прошедшее столетие лишь возросла, представляются автору наиболее насущными для двух стран, лежащих в фокусе его интересов, – Израиля и России. Статья была опубликована в несколько сокращённом виде в 2014 году в израильском журнале "22", No 174.

ИСТОКИ И ПРИНЦИПЫ СОЦИАЛЬНОЙ ТРЁХЧЛЕННОСТИ

Как бы ни были трагичны и неотвратимы вызванные войной события, но даже в это тревожное время Штайнер серьёзно задумывался также и о будущем, о том, что человечество, по крайней мере, его европейская часть, будет строить на руинах старого миропорядка. Но его беспокойство о будущем, хотя и было в данном случае связано с войной, не было вызвано лишь ею. Не было никакой необходимости создавать руины и вызывать бедствия для того, чтобы понять, что "добрый старый мир" не является таким уж добрым, а нуждается в безотлагательной переделке. Зловещие предзнаменования были достаточно очевидны для всякого, кто был способен и хотел увидеть их. Штайнер был одним из таких людей. Всего лишь за несколько месяцев до начала войны он произнёс слова, для осознания трагической реальности которых потребовалось так много страданий: "Тот, кто способен наблюдать социальную жизнь через призму духа, не может не увидеть ужасных основ социальной раковой опухоли, социальных язв, возникающих повсюду, и ясновидящий чувствует глубокую озабоченность и тревогу за нашу цивилизацию".

Но увидеть социальные язвы, быть обеспокоенным ими и выразить своё беспокойство – это было для Штайнера лишь началом. Следующим шагом был поиск средства их излечения и затем его применение. Штайнер начал искать это средство сразу же, как он только обнаружил болезнь, и это произошло задолго до того, как были сказаны вышеприведённые слова. Он проявлял живой интерес к социальным, экономическим и политическим проблемам на протяжении всей своей жизни и говорил о социальном вопросе в рамках Антропософского (тогда Теософского) движения ещё в 1903 году. В 1905 году он написал работу под названием "Антропософия и социальный вопрос", в которой нашли отражение не только его серьёзный интерес к этому вопросу и основательное знание его различных аспектов, но также основные положения будущего всестороннего ответа на него. Именно в этой работе Штайнер сформулировал свой "основной социальный закон", о котором речь пойдёт ниже. В последующие годы он продолжал работать над средством излечения социальных болезней, и в годы войны эта работа была успешно завершена. Так что когда необходимость в таком средстве была осознана и другими и они обратились к Штайнеру за помощью и советом, он был готов и ответил всеобъемлющими и далеко идущими, и вместе с тем конкретными и практическими, предложениями.

*

*

*

Наступил четвёртый безотрадный год Первой мировой войны. Один из последователей Штайнера, граф Лерхенфельд, который занимал высокое положение в германском политическом истеблишменте, ясно видел некомпетентность, неспособность и беспомощность руководства страны касательно не только текущей ситуации, но и каких-либо соображений о том, что должно придти на смену существующей несостоятельной экономико-политической

системе, когда война, наконец, закончится. Отчаявшись и не находя выхода из царившей вокруг безысходности, он обратился к Штайнеру.

Но прежде чем говорить об ответе Штайнера и дальнейших событиях, следует сказать несколько пояснительных слов относительно того, что побуждало последователей Штайнера обращаться к нему за помощью – такие обращения не прекращались до самой его смерти. Относились ли его последователи к нему как к гуру, у которого всегда был наготове ответ на любой вопрос и который знал всё лучше других? Несомненно, были и такие, но для большинства, особенно для людей, подобных графу Лерхенфельду, подобное отношение к Штайнеру было немыслимым. Мы сможем лучше понять, что побудило его и побуждало других обращаться к Штайнеру за советом, если проведём параллель между его обращением за помощью и вопросом, заданным Рудольфу Штайнеру шестнадцатью годами ранее Марией фон Сиверс, который привёл к созданию Антропософского движения.* Оба обращения основывались на тех же предпосылках, то есть на личном опыте и на озабоченности происходящим в мире. И оба имели далеко идущие последствия. Но между ними была и существенная разница. Постановка вопроса была подобна посеву *семена*, а обращение за помощью было подобно сбору *плодов* со зрелого и плодоносного дерева.

Но какие именно плоды можно было надеяться собрать в данном случае? Каким таким чудесным средством разрешения бедственного состояния общества мог обладать Штайнер, которого не было ни у кого другого или которое никто другой не смог найти? Смог ли он увидеть здесь нечто такое, чего не удалось постичь другим социальным исследователям, реформаторам и просветителям? Что ещё мог он добавить к обилию идей, знаний и опыта в социальной сфере, накопленному человечеством к тому времени? Вряд ли граф Лерхенфельд задавался такими вопросами. Ему, в той ситуации и особенно в то время, они показались бы надуманными, если не сказать – странными. Но для нас, для нашего времени они вполне оправданы. Мы должны стараться видеть прошлое, с его событиями и их участниками, вполне объективно, должны постараться понять их и, насколько возможно, вынести какие-то уроки для нашего времени.

Кроме того, социальная сфера не является некой специализированной областью, доступной только специалистам. Мы все являемся частью её, и она касается всех нас. Поэтому относительно её фактического функционирования каждый должен обладать какой-то мерой понимания, возможностью составить собственное мнение и правом высказать его. Это именно то, что Штайнер ожидал от других, когда он сформулировал и обнародовал свои социальные идеи. Вот как он объяснил их возникновение и суть: "Ничто из опубликованного мною [по социальному вопросу – *И.З.*] не было результатом теоретических размышлений. На протяжении свыше трёх десятилетий я наблюдал и изучал духовную, политическую и экономическую жизнь Европы в самых разных её проявлениях. Это дало мне, я полагаю, понимание тех тенденций, к которым эта жизнь стремится на пути к оздоровлению. Эти мысли – не мысли одного индивидуума; они выражают бессознательные устремления европейского человечества".

Но если это действительно было так, почему эти жизненно важные мысли жили у большинства европейцев лишь в подсознании? На это Штайнер дал следующий ответ: "Особые условия современной жизни ... не дали этим устремлениям подняться до полного их осознания достаточно большим количеством людей, что позволило бы им чётко их сформулировать и осуществить практически. Трагедия нашего времени состоит в том, что огромное число людей заслоняют собственное видение того, что действительно

* Мария Яковлевна Сиверс, русская по происхождению, многолетний соратник, незаменимый помощник и жена Штайнера. Встретившись с ним в основанном на восточной мудрости Теософском обществе, куда Штайнер был приглашён читать лекции, она спросила его, нет ли сегодня насущной необходимости в создании научно-духовного европейского движения. Ответом на этот вопрос явилось, в конечном счёте, создание Антропософского движения.

необходимо, посредством иллюзий относительно того, к чему они стремятся. Партийные догматы, совершенно отжившие, застилают мыслительным туманом то, что является действительно необходимым. Люди с готовностью следуют нереальным, недостижимым тенденциям; дела, за которые они берутся, оказываются бесплодными утопиями, в то время как они считают утопиями предложения, рождённые реальностью жизни".

Автор данного изложения не удивится, если читатель посчитает, что мало что изменилось с тех пор в этом отношении и что вышеприведённые слова могли бы быть сказаны и сегодня. Но посчитает ли он также, что социальные идеи Штайнера применимы сегодня – это уже другой вопрос. В любом случае, лучшим методом их рассмотрения и анализа представляется тот, посредством которого они были рождены – не путём теоретических размышлений, а из конкретной жизненной реальности. Поэтому в качестве отправной точки пусть послужит здесь то, что стоит в самом центре социального организма – человек и его потребности.

То, что каждый человек имеет потребности, которые он стремится удовлетворить, является простым фактом жизни. Как общественное существо, он может это сделать только в пределах общества, в котором он живёт, и с помощью предоставляемых им средств и возможностей. И хотя в реальных жизненных ситуациях индивидуум взаимодействует не с обществом как таковым, а с другими индивидуумами и организациями, в конечном счёте именно состоянием общества определяется благосостояние индивидуума, то есть удовлетворение его потребностей. Чтобы увидеть конкретно, как это осуществляется в реальности, необходимо тщательно проанализировать как сами потребности, так и социальный организм, удовлетворяющий эти потребности.

Все многочисленные и разнообразные индивидуальные потребности человека разделяются, по своей природе, на три различные категории. Одна включает материальные потребности человека, связанные с его физическим существованием, деятельностью и интересами. Другая категория потребностей характеризует нас как человеческих существ и индивидуумов; это наши духовные потребности – культурные, образовательные, религиозные и др. Третий тип потребностей указывает на тот факт, что мы живём в сообществе с другими людьми; поэтому мы нуждаемся в определённых правилах и нормах, обеспечивающих жизнеспособные общественные отношения людей друг с другом.

Удовлетворение этих трёх категорий потребностей осуществляется, соответственно, из трёх различных источников, составляющих три различные сферы социального организма – экономическую (производство, распространение и потребление товаров), культурную (образование, наука, искусство, религия и пр.) и законодательно-правовую (сфера законодательной власти, правительства и политической деятельности). В обычной жизни мы не замечаем и не отмечаем этого различия ни в собственных потребностях, ни в социальном организме. Но мы должны это сделать, если хотим понять и исправить изъяны нашего общества. Потому что поскольку существует фундаментальное различие между тремя категориями наших потребностей, существует такое же различие в том, как они должны быть удовлетворены, и в принципах, на которых должны основываться и функционировать эти три сферы.

Продукция, которая удовлетворяет наши материальные потребности, будь то товары или продукты, имеет своим источником природу. Но натуральное сырьё, прежде чем стать товаром, пригодным для потребления, проходит процесс трансформации, называемый производственным процессом. Современный производственный процесс характеризуется разделением труда, при котором каждый участник выполняет лишь некоторые функции и представляет лишь часть того, что является единым целым. Без индивидуальных вкладов целое не будет работать. Таким образом, целое зависит от каждой части, как бы мала она ни была, в то время как отдельные части неэффективны сами по себе. Этим

создаётся взаимозависимость всех участников производственного процесса в их коллективном труде для достижения общей цели.

Но производственный процесс является, в свою очередь, лишь частью всей экономической сферы общества. Основная характерная черта этой сферы заключается в том, что ни один из её участников не производит ничего для себя самого, но пользуется тем, что произвели другие. Признание этого факта как такового и как необходимость современного экономического процесса позволило Штайнеру сформулировать основной социальный закон: *Благосостояние работающих совместно людей будет тем выше, чем меньше отдельный индивидуум претендует на доход от собственного труда, то есть чем в большей степени этот доход поступает к его товарищам по работе, тем больше его собственные нужды удовлетворяются не его трудом, а трудом других.* Этим ещё раз подчёркивается взаимозависимость всех участников экономического процесса. Поскольку в нём участвует каждый человек – некоторые в качестве производителей и продавцов товаров и все в качестве их потребителей – эта взаимозависимость является полной, а сегодня даже глобальной. Если этот жизненный факт будет признан и принят во внимание во всей своей важности и полноте, тогда это неизбежно приведёт к осознанию того, что руководящим и рабочим принципом экономической сферы и жизни должно быть *сотрудничество* – всех участников, на всех уровнях и во всех ситуациях. Если использовать для этого принципа более возвышенный, но не менее точный термин, то он может быть назван *братством*.*

Если в сфере, где мы удовлетворяем свои материальные потребности, главным фактором является взаимозависимость, то с духовными потребностями ситуация прямо противоположна. Наши духовные потребности не зависят, и не должны зависеть, от других людей и их духовных потребностей. Поскольку как индивидуумы мы являемся совершенно разными людьми, такими же разными являются наши духовные потребности, которые обусловлены нашей единственной в своём роде индивидуальностью. Наш индивидуальный дух свободен, и такими же должны быть его потребности и чаяния – никто не должен определять их за нас. Какие бы практические трудности ни возникали на пути их удовлетворения (они точно так же могут возникнуть и в случае материальных потребностей), руководящим принципом духовно-культурной сферы должна быть *свобода*.

И опять же ситуация является совершенно другой с нашими потребностями, касающимися наших отношений с нашими согражданами. Здесь каждый должен иметь равные права, равные возможности и равные гражданские обязанности, независимо от множества индивидуальных различий, интересов и потребностей. Другими словами, все должны быть равны перед законом, и один закон должен иметь равную силу для каждого. Таким образом, руководящим принципом законодательно-правовой сферы является *равенство*.

Свобода, равенство и братство – этот тройной лозунг Французской революции отражал и продолжает отражать чаяния и идеалы людей. Немало было сделано попыток осуществить их, но их осмысленное воплощение в жизнь вряд ли возможно, когда разные люди понимают их по-разному и даже путаются относительно их точного значения, применимости и совместимости друг с другом. Это вызвано отсутствием ясного понимания характера человеческих потребностей и пути их удовлетворения. Штайнер внёс эту ясность. Так, *братство* не должно иметь какого-либо политического, социального или сентиментально оттенка. Оно просто означает внутреннее отношение и поведение людей, делающих общее

* Экономика как таковая, и её различные аспекты, была для Штайнера предметом пристального изучения и темой его лекций и статей. В 1922 году по просьбе студентов-экономистов он прочитал экономический курс из четырнадцати лекций, который сопровождался семинарами. В них Штайнер обсуждал такие вопросы, как деньги и капитал, стоимость и цена, заработная плата и банковский процент, производство и торговля, земля и труд и другие.

дело, где общая цель и взаимозависимость являются неотъемлемыми факторами. Это в равной степени относится к одному предприятию, к промышленной отрасли, к взаимоотношениям производителей и потребителей и ко всей вообще экономической сфере. *Свобода* означает не возможность делать всё, что вздумается, а свободу выражать свои взгляды и мысли и проявлять и развивать свои духовные интересы и способности, как духовные, так и физические. *Равенство* относится не к самим людям, а к тому, что имеет место между ними, то есть к их взаимоотношениям. Что касается общества в целом, то, как пояснил Штайнер, для его жизнеспособности не только каждая сфера должна функционировать правильно, в соответствии с присущим ей принципом, но все три должны быть автономны и независимы друг от друга, но вместе с тем составлять гармоничное целое.

Так совпало, что именно в то время, когда граф Лерхенфельд обратился к Штайнеру, Штайнер успешно завершил тридцатилетнее исследование в другой очень важной сфере человеческого существования. Хотя трудно проследить какую-либо связь между этими двумя сферами, аналогия, проведённая между ними, может оказаться полезной для лучшего понимания социальной сферы.

Другой сферой исследований Штайнера был человеческий организм, его необыкновенная сложность и секрет его гармоничного функционирования. Штайнер открыл, что последнее имеет место благодаря тому факту, что многочисленные элементы, разные субстанции и различные процессы, которые составляют человеческий организм, организованы определённым образом, который является наиболее функциональным, эффективным и благоприятным. Все эти компоненты организованы в три различные системы. Одна является нервной системой, включающей органы чувств и голову (мозг); Другая является ритмической системой, состоящая из органов кровообращения и дыхания; и третья является метаболической системой, состоящей из конечностей и системы пищеварения.

Каждая из этих систем функционирует в соответствии с присущими ей принципами, непригодными для двух других. Будучи автономными сами по себе, эти системы зависят друг от друга, пронизывают друг друга и оказывают друг другу необходимую помощь, составляя тем самым здоровое и гармоничное целое, человеческий организм. Он становится больным не только тогда, когда одна из систем начинает неправильно функционировать, но и когда нарушаются гармоничные отношения между системами, и рабочие принципы и процессы одной системы неправомерно вторгаются в другую.

Подобно человеческому организму, социальный организм состоит из трёх совершенно различных, по самой своей сути, систем, которые одновременно должны быть независимы и оказывать друг другу помощь, быть автономными и составлять гармоничное целое. Также они взаимодействуют друг с другом не только в организме как в едином целом, но и в каждой его части. И социальные заболевания, подобно человеческим, происходят тогда, когда внутри систем нарушаются присущие им принципы и когда какая-либо система вместо того, чтобы помогать другим, навязывает им себя.

Таким образом, чтобы социальный организм был здоров и жизнеспособен, его три системы должны поддерживать, оплодотворять и оберегать друг друга. Формы их плодотворного сотрудничества и участия могут быть охарактеризованы следующим образом: Экономическая сфера "питает" социальный организм, поддерживая его физически и финансово. Духовная сфера является его "мозгом", источником идей, ценностей, нравственности и морали. Правовая сфера, государство является его "опекуном", заботится о том, чтобы общество в целом, его институты и граждане жили и функционировали должным образом, не подвергаясь несправедливости и не нанося вреда другим.

Вот краткое изложение сути ответа Штайнера на полное отчаяния обращение графа Лерхенфельда о помощи. Как только он ознакомился с идеями

Штайнера, его настроение резко изменилось. Теперь для него забрезжил проблеск надежды. Более того, эти идеи наполнили его таким энтузиазмом, что проблеск превратился в мощный луч, осветивший дорогу в чётком направлении. Хотя дорога была ухабистой и крутой, она вела к определённой цели, которая казалась реальной и достижимой. Граф Лерхенфельд попросил Штайнера изложить свои идеи в форме меморандума, который он со своими единомышленниками распространит среди влиятельных политических фигур, а некоторым вручит его лично для обсуждения и пояснений. Однако Штайнер хотел бы, чтобы до того, как его идеи будут представлены руководству страны в качестве некоего плана к действию, они были бы сначала изучены и обсуждены всеми слоями общества. Но в данных обстоятельствах он вынужден был следовать тем путём, который имелся в наличии. В любом случае, он не разделял горячего энтузиазма своего сподвижника.

С его стороны это было не пессимизмом, а реализмом. Главной целью Штайнера в жизни было обновление культуры и общества во всех их аспектах. Как только появлялась конкретная возможность обновления, он немедленно пользовался ею. Иногда характер обновления был таков, что оно требовало только его личных усилий, таких, как, например, его духовные исследования. В других случаях, особенно в области искусства, обновление требовало участия и других людей. В случае же социального обновления всё общество и миллионы его граждан должны будут, в конечном счёте, принять в нём участие. Изменения в обществе и во внутреннем отношении людей и в их мышлении должны быть фундаментальными. Такие вещи не происходят в одночасье. Так что, будучи убеждён в реалистичности и необходимости своих социальных идей, Штайнер был в то же время реалистичен относительно их воплощения. Но это не означало, что не должно быть сделано попыток или даже первых шагов в этом направлении, если или когда для этого представится возможность. Обращение графа Лерхенфельда было именно такой возможностью, а предложение Штайнера, в зависимости от последующей реакции на него, было попыткой или первым шагом по реализации его социальных идей.

В данном случае это оказалось скорее попыткой, чем ощутимым началом. Различные индивидуумы, которые занимали руководящие посты и которым были представлены новые идеи, были настолько заняты войной, перегружены работой и утомлены, что были неспособны заняться чем-то столь серьёзным и фундаментальным. И даже когда некоторые из них постарались углубиться в предложение Штайнера, они в лучшем случае смогли ухватить и оценить какую-нибудь одну идею, но не цельную концепцию трёхчленности общества со всеми вытекающими из неё последствиями. Кроме того, их воля в то время была настолько парализована, что они были не в состоянии предпринять какую-либо новую инициативу или что-либо, выходящее за рамки безотлагательных ежедневных дел. Также у некоторых был страх перед чем-то совершенно новым, не соответствующим их привычному образу мыслей. Так что попытка внедрения идей социальной трёхчленности сверху – далеко не лучшая, но единственно возможная в то время – провалилась.

Но это не помешало энтузиастам-протагонистам этих идей, число которых быстро росло среди как антропософов, так и не антропософов, предпринять новую попытку после окончания войны. На этот раз ситуация была другой. Опустошительные последствия войны и необходимость нового направления в жизни общества стали очевидны для многих. Штайнер снова сыграл главную роль в этой новой попытке. Прежде всего, он написал два важных документа, которые на этот раз положили начало социальному движению – Социальной Трёхчленности. Первым документом было обращение Штайнера "К немецкому народу и к цивилизованному миру". Анализ Штайнером бедственной текущей ситуации и причин, приведших к ней, а также предлагаемое им средство её исправления могут быть резюмированы следующей цитатой: "Силы, действующие

в наше время, настойчиво требуют от нас таких знаний социальной структуры человечества, которые не имеют ничего общего с тем, что обычно под этим понимается. До настоящего времени социальные общности формировались, по большей части, человеческими инстинктами. Пронизать их полным сознанием является миссией нашего времени". Он обрисовал социальную структуру, которое наше время требует, и заключил: "Либо люди изменят своё мышление в соответствии с требованиями действительности, либо они не вынесли никаких уроков из постигнутого их бедствия и вызовут в будущем новые неисчислимы бедствия".

Это были пророческие слова, но мало кто осознал это в то время. Несмотря на это, обращение было подписано многими видными личностями Германии, Австрии и Швейцарии, многие из которых не были антропософами, и было распространено в ряде европейских стран. Вскоре была опубликована фундаментальная работа Штайнера по социальному вопросу, "Основные черты социального вопроса". Вот её основные положения.

Социальный вопрос не является чем-то, что вдруг возникло в наше время и что может быть успешно разрешено какими-нибудь просвещёнными деятелями или парламентским актом. Социальный вопрос является неотъемлемой частью современной жизни и общества, и как непрерывно меняющийся и развивающийся феномен, он не может быть разрешён раз и навсегда. Так же как живой организм переходит от состояния насыщения к состоянию голода, социальный организм обладает тенденцией перехода от состояния упорядоченности к состоянию расстройств, в то время как социальные институты предрасположены к проявлению антисоциальных тенденций. Как не существует пищи, способной навсегда утолить голод, так не существует и универсальной социальной панацеи. Таким образом, социальным вопросом и антисоциальными тенденциями необходимо заниматься и их разрешать заново каждый раз, когда они неизбежно возникают в определённые моменты развития общества и его институтов.

Поэтому данная книга не предлагает какой-либо непогрешимой теории или быстрого и окончательного решения. Но она показывает путь к тому, что необходимо в социальной сфере в настоящее время и в ближайшем будущем. Она хочет побудить людей к коллективным усилиям по созданию того в социальной сфере, что отвечает желаниям людей и что отражает реальность и необходимость нашего времени. Представив читателю тройственную структуру социального организма, Штайнер отметил, что в прошлом работа и интеграция трёх сфер общества осуществлялась на основе социальных инстинктов в соответствии с тем уровнем развития, на котором человек находился в то время. Но в наше время на смену социальным инстинктам должны придти сознательное социальное мышление, непреклонная социальная воля и целенаправленные социальные действия.

Однако этого пока не происходит. В переходный период, в котором мы живём сейчас, мы наблюдаем неспособность стойких старых инстинктов и привычного образа мышления, которые доминируют в нашем обществе, справиться с требованиями современного человечества. Особенно губительно эта неспособность проявляется в теперешнем состоянии духовной жизни и культурной/духовной сферы в целом. Духовная жизнь обеспечивает общество духовным и нравственным питанием и является источником идей и импульсов, которые направляют и развивают человеческую цивилизацию. Её решающая роль ставит её в самый центр социального вопроса, и если общество больно, то виной тому является слабосилие духовной жизни.

Эффективность современной духовной жизни подрывается уже тем фактом, что её значение не признаётся и не ценится. Её считают чем-то абстрактным и умозрительным, а когда она находит практическое применение, она принимает форму идеологии; в качестве таковой она используется в качестве политического и экономического оружия одними и вызывает недоверие и отталкивание других. В целом, в рамках всего социального организма, основное внимание переключено с

духовных сил на экономические процессы, которые считаются основной движущей силой жизни и общества. Более того, духовная жизнь и образование как её главная составляющая подпадают под всё большее влияние политических и экономических сил и институтов и даже становятся в большой степени зависимы от них.

Для того, чтобы духовная жизнь и образование могли играть свою важную роль, в том числе и по отношению к своим "угнетателям", необходимо, прежде всего, восстановить признание этой роли. Затем они должны получить полную свободу во всём, что касается того, что и как они делают. Поэтому насущной социальной задачей сегодня является их освобождение от внешних пут и от государственного, политического и экономического влияния. Социальные тенденции присущи свободной духовной жизни; как только она станет свободной, в ней по необходимости будет развиваться социальное понимание, в то время как сотрудничество работающих в ней индивидуумов обретёт, в силу своей сути, социальную форму. Такая сильная и жизнеспособная духовная жизнь будет посылать благотворные и целительные импульсы в политическую и экономическую сферы и выработает нужные меры для восстановления социального организма.

Также и экономическая сфера, несмотря на своё доминирующее положение и влияние на жизнь индивидуума и общества, не является сама по себе здоровой. Это вызвано целым рядом причин, как внешних, так и внутренних. Внешне она не автономна, как должна быть, а подвергается влиянию политических сил или даже прямому вмешательству со стороны правительства. Внутренне она включает в себя три неразделимые, но разные области деятельности – производство, распространение и потребление товаров, и отношения между ними далеки от гармонии и сотрудничества. Вместо того, чтобы руководствоваться подлинно экономическими и социальными соображениями, они, как и такие важные факторы как зарплата и цена, построены на личной выгоде и на скрытых и непредсказуемых рыночных силах. Также бесконтрольные экономические силы современного экономического процесса имеют тенденцию подчинять его ненасытной власти всё, попадающее в его орбиту, превращая в товары, со всеми вытекающими отсюда последствиями, землю, труд и права человека.

Так что государство и экономика должны быть полностью отделены друг от друга – на благо обоих. Если экономические интересы переносятся в законодательную сферу, то последняя неизбежно становится их выразителем, а не выразителем того, что присуще ей как охранительнице прав человека. В равной степени, если государство принимает на себя экономические функции, оно теряет способность защищать эти права в экономической сфере и правильно осуществлять законодательные функции в отношении экономической деятельности. Не говоря уже о том вреде, который наносится экономическому процессу вмешательством тех, кто не является его органической частью. Отношения между экономической и законодательной сферами должны быть подобны отношениям между суверенными государствами. Каждая должна развиваться в соответствии со своей сутью и принципами, осуществляя благотворное сотрудничество и взаимопомощь.

Однако наиважнейшей задачей является освобождение человеческого труда от его теперешнего характера и статуса товара. Это не может быть сделано до тех пор, пока труд остаётся частью экономического процесса – в силу своей природы он превращает в товар всё, что попадает в его сферу. Так что труд должен быть освобождён не *внутри* экономического процесса, а *от* него. Поскольку рабочая сила является неотъемлемой частью человеческого существа, а не экономического процесса, она должна быть изъята из экономической сферы и её юрисдикции и помещена туда, где она по праву должна находиться – в сферу социальных сил, прав человека и равенства, что очистит её от свойств товара.

Сама же экономическая жизнь требует ассоциативного сотрудничества тех, кто участвует в ней в качестве изготовителей, распространителей и потребителей товаров. Они должны совместно создать ассоциации, где будут представлены их

различные интересы, проблемы, понимание, опыт и знания. Их совместная работа будет включать такие важные задачи, как регулирование производства и циркуляции товаров и их цен. Размер, практическая работа и число ассоциаций в данном районе будут определяться их членами в соответствии с местными условиями. Сеть таких ассоциаций, чьи отношения друг с другом будут стимулироваться и определяться практической необходимостью, составит основу экономической жизни общества и будет заниматься её организацией изнутри.

Последняя глава книги называется "Международные отношения социальных организмов". Штайнер считал, что когда социальные организмы отдельных стран преобразуют себя в соответствии с принципом трёхчленности, их отношения друг с другом тоже будут тройными, то есть между идентичными сферами и институтами этих стран. Эти три типа отношений – духовные, экономические и правовые – будут, как и сами сферы, независимы друг от друга.

Международные отношения и сотрудничество внутри каждой сферы деятельности возникнут естественно из той реальности жизни, которая ощущается человечеством в целом на данной ступени его развития. Эта реальность, несмотря на национальные и местные особенности и различия, включает в себя общую духовную жизнь, мировую экономику и идентичное восприятие сути прав человека (в наше время это последнее даже записано документально во "Всеобщей декларации прав человека").

Эта форма отношений между народами – между институтами и индивидуумами с общим пониманием фундаментальных принципов и значения их сфер деятельности – заменит собой национальные, политические и экономические конфликты. А если они возникнут, их будет гораздо легче разрешить на основе примиряющего признания и понимания общего блага и значения и достоинства каждой части, составляющей человечество. Пожалуй, самое главное последствие такого сотрудничества для международных отношений содержится в следующих словах Штайнера: "Суммарный комплекс общих интересов индивидуальных социальных организмов сделает очевидным ненужность государственных границ для человеческого существования".

В первый год было продано свыше восьмидесяти тысяч экземпляров книги, которая выдержала несколько изданий. За книгой последовали многочисленные статьи, лекции (свыше ста), беседы и дискуссии. Штайнер встречался с ведущими политическими деятелями и предпринимателями, с различными группами и индивидуумами, с рабочими советами и с простыми рабочими, выступая иногда перед многотысячной рабочей аудиторией. Дискуссии часто были нелёгким испытанием для Штайнера, будь то нездоровая атмосфера прокуренных таверн, или поток агрессивных вопросов, или даже враждебная конфронтация. И его осаждали бесчисленными приглашениями выступить и обращениями за помощью и советом. Хотя ничто из этого не было для него чем-то новым, вместе с тем, принимая во внимание его другую разностороннюю и интенсивную деятельность, эта новая легла тяжёлым бременем на его время и силы (и на голос!).

Но на этот раз у него было много горячих и преданных делу соратников и помощников, антропософов и не антропософов, простых людей и видных общественных деятелей. В Германии и Швейцарии были созданы специальные организации под названием "Союз за социальную трёхчленность", и начали выходить еженедельные и ежемесячные периодические издания с единственной целью провести это социальное преобразование общества. Было также предпринято много других целенаправленных действий и мероприятий, коллективных и индивидуальных.

Увы, все эти искренние, серьёзные и целенаправленные усилия не привели к желаемым результатам, и социальная трёхчленность не была осуществлена, ни в каком виде, где-либо в Европе. Возникает очевидный вопрос: почему? Как всегда в подобных случаях, одна причина, несмотря на энтузиазм и самоотверженность многих участников, заключалась в пресловутом "человеческом факторе" – в

некомпетентности, недостаточном знании и понимании, в личных и групповых интересах, эгоизме, недоверии, соперничестве и даже в открытой враждебности.

Но в историческом изложении необходимо рассматривать не только человеческие, но и исторические факторы. И это приводит нас к другому очевидному вопросу, историческому: были ли предлагаемые изменения действительно необходимы и возможны? Штайнер, основываясь на своём углублённом понимании текущих событий и эволюционных сил, ответил на него совершенно определённым "Да!" – именно поэтому он и предложил идеи социальной трёхчленности. Некоторые из его современников, не обладавшие его пониманием, но в не меньшей степени озабоченные состоянием дел, дали тот же ответ. Но большинство, судя по конечным результатам, отреагировали на предлагаемые изменения не менее определённым "Нет!", высказано ли это было прямо или же продемонстрировано отсутствием понимания или просто апатией. Так что же проявилось в этих событиях – принятие желаемого за действительное или же упущенная возможность?

Вопрос этот не праздный хотя бы потому, что в наше время он так же злободневен, как был сто лет назад. Во многих отношениях мы живём сегодня в совершенно другом мире, но человек со своими насущными потребностями, и общество с негодными средствами их удовлетворения, и вытекающие отсюда проблемы – всё те же. Говоря конкретно, основная структура и функционирование социального организма, на которые были направлены идеи Штайнера, не изменились, и социальный вопрос остаётся неразрешённым.

Хотя Европа времён Первой мировой войны и её последствий была в особо критическом положении, это было лишь началом бедствий и кризисов нашего времени, которые с тех пор продолжают сотрясать Европу и мир. Современное благосостояние Западного общества облегчило или затушевало некоторые закоренелые социальные аномалии и болезни, но оно не ликвидировало и не излечило их. И оно определённо не предотвратило появление новых социальных проблем. Но когда сегодня на повестке дня появляется какая-либо социальная проблема, предлагаемое решение почти неизбежно носит характер временных мер. Отсюда важность заданного выше вопроса. Чтобы попытаться ответить на него, не надо быть историком или социологом. Нужно только, чтобы человека волновали текущие социальные проблемы и чтобы он задался вопросом, нуждается ли общество, в котором он живёт, в фундаментальной переустройстве, предложенном Штайнером. Простое размышление над этим вопросом может помочь читателю понять, что произошло, или что происходит, исторически с социальными идеями Штайнера. В любом случае, неоспоримым является тот факт, что в истощённой Первой мировой войной Европе была предпринята историческая попытка фундаментального и жизнеспособного решения социальных проблем современного человечества.

ДВА ВЫЗОВА ИДЕЯМ СОЦИАЛЬНОЙ ТРЁХЧЛЕННОСТИ

Когда в общественной сфере появляется нечто фундаментально новое, подобно социальным идеям Штайнера, оно неизбежно сталкивается с сопротивлением и даже с враждебным отношением. Мы уже говорили об этом ранее. Но сейчас речь пойдёт о двух явлениях, которые бросают вызов социальным идеям Штайнера совершенно по-другому, при этом каждое по-своему. Одно имело место во времена Штайнера и тоже было в области идей, предлагавших серьёзные изменения. Поскольку эти идеи носили политический характер, мы назовём этот вызов политическим. Другого явления в то время не существовало; это современное явление, которое является вызовом идеям социальной трёхчленности в практической сфере, но не таким, с каким сталкивались Штайнер и его сторонники или каким может быть любое другое современное явление.

Поскольку это явление возникло исторически, мы назовём этот вызов историческим.

Политический вызов – Четырнадцать пунктов Вудро Вильсона

В то время, как Рудольф Штайнер и его сторонники пытались осуществить его идеи социальной трёхчленности, было выдвинуто фактически параллельное предложение общественного характера, предполагавшее такие же далеко идущие последствия. Это были мирные предложения для послевоенной Европы президента Соединённых Штатов Вудро Вильсона, известные как Четырнадцать Пунктов. Разумеется, предложения Вильсона получили гораздо бóльшие известность и внимание, чем предложения Штайнера, но это не было единственным различием между ними. Несмотря на то, что личные мотивы Вильсона были гуманистическими и идеалистическими, его предложения не касались широких социальных вопросов, а были ограничены лишь проблемами, вызванными войной. Но даже при этом он искал лишь политических решений, которые сами по себе не в состоянии разрешить глубоко укоренившиеся социальные и человеческие проблемы.

Однако, основные возражения Штайнера по поводу этих предложений, которые он неоднократно высказывал на протяжении ряда лет, касались их сути, а не охвата. Не будучи основанными на правильном понимании существующей реальности, они вели европейские народы, и мир, в неправильном направлении. Он выступал горячим поборником самоопределения, автономии и свободы отдельных народов, что казалось в то время, и всё ещё кажется многим сегодня, благородной целью, предпосылкой национального благополучия и истинной и надёжной основой международных отношений.

Но применение понятия свободы по отношению к народам является ошибочным. Свобода, в качестве универсального принципа и основного компонента социального триединства, может иметь только духовный смысл. В качестве таковой она применима только к отдельному индивидууму, к духовному в нём. Если применять это понятие в политическом смысле, да ещё коллективно, это неизбежно приведёт к замыканию на себе, к разобщению и вражде. Применение понятия свободы к народам поощряет национализм и шовинизм, разделяя и разобщая их и восстанавливая друг против друга – верное средство для новых бед и трагедий. С духовной точки зрения понятие национальной свободы не основано на реальности, а понятие *индивидуальной свободы* – основано, и к ней надо стремиться как к человеческим и социальным идеалам и целям. Когда она будет по-настоящему достигнута, тогда *свободные индивидуумы* найдут нужную форму как своего надёжного национального существования, так и правильных межнациональных отношений.

Увы, немногие видят истинность этого даже сегодня, несмотря на всю очевидность фактов, с готовностью поставляемых нашим беспокойным временем. Даже когда люди встревожены поднимающим голову национализмом со всеми вытекающими из него проблемами, они не видят его истинных причин, не говоря уже о средствах по их устранению. Что касается понятия национальной автономии, независимости, самоопределения и суверенитета, которое для большинства людей тождественно понятию *свободы*, оно является для них исторически возникшей общемировой реальностью и действенным международным принципом. Более того, они могут с уверенностью утверждать, что по крайней мере в случае некоторых современных национальных конфликтов, отмеченных враждой, дискриминацией и даже преследованиями, применение и гарантирование этого принципа является наиболее быстрым и эффективным средством прекращения данной разновидности несправедливости, унижения и жестокости. В то время как идеи Штайнера, при всей их духовной и социальной значимости, могут предложить

лишь надежду отдалённого решения. Слишком отдалённого для многих жертв национальной вражды, чтобы они смогли воспользоваться его плодами.

Необходимо признать силу этих доводов, основанных на ряде конкретных событий. Чрезвычайные и критические ситуации требуют неотложных и эффективных мер, особенно там, где это касается человеческих жизней. Нет никакого сомнения, что профилактика лучше лечения и лечение лучше операционного вмешательства. Но что бы мы делали сегодня без хирургии? Так что разделение и автономию можно считать формами социальной хирургии.

Признавая это, следует, вместе с тем, когда предпринимаются попытки урегулирования национальных конфликтов, принимать во внимание и следующие соображения. Хотя такие меры могут, очевидно, принести определённые ощутимые и положительные результаты какой-то группе людей, они достигаются, как правило, за счёт других, носит ли этот "счёт" материальный, культурный или психологический характер. Другими словами, некоторые раны залечиваются – новые наносятся.

При этом, национальное, этническое и расовое различие является лишь одним источником конфликтов между людьми, живущими вместе. Существует много других источников, заявляющих о себе время от времени – религиозный, идеологический, социальный, культурный, территориальный и даже сексуальный. Если мы хотим быть последовательными и использовать принцип "разделения и автономии" для решения и таких конфликтов, мы тем самым создадим человеческое общество, которое не сможет функционировать и в котором невозможно будет жить.

Кроме того, срочные и эффективные меры, при всей их необходимости в ряде ситуаций, далеко не всегда являются долгосрочным, надёжным или даже правильным решением. Поэтому после их применения необходим поиск долгосрочных и правильных решений. Это можно проиллюстрировать таким, довольно незамысловатым, примером. Для человека, оказавшегося на необитаемом острове и умирающего от жажды, является вполне естественной попытка утолить её с помощью морской воды. Она может поддержать его в течение какого-то времени, но чтобы выжить, ему необходимо найти пресную воду. Рудольф Штайнер предложил свои социальные идеи в качестве надёжного источника свежей воды для человеческого общества на данной ступени его развития.

Исторический вызов – Еврейский народ и Государство Израиль

Приступая к изложению второго вызова, автор не может не отметить своей биографической связи с двумя темами, которые фигурируют и сливаются в нём. Эта связь заключатся не просто в академическом интересе к данным темам, но является более глубокой и важной и даже определившей ряд жизненных шагов и решений автора. Поскольку она оказала влияние и на данную часть статьи, автор решил предварить её личной, от первого лица, вставкой, набрав её курсивом, чтобы отделить от основного текста.

Первая тема является тем, что называют, в самом широком смысле слова, в котором она и обсуждается в данной статье, социальным вопросом. Хотя мне, как и всем советским гражданам, действительно внушали с раннего детства, что я живу в идеальном обществе, жизнь учила меня другому. По мере того, как я рос и становился более зрелым, я видел вокруг себя всё больше и больше "несовершенств", которые, в конечном счёте, стал воспринимать и осознавать как, общественные, духовные и экономические пороки. Я стал также задумываться над их причинами и путями их устранения, что положило начало моему пожизненному интересу к социальным проблемам, к социальному вопросу как таковому. Разумеется, не было никакой возможности обсуждать эти

проблемы, не говоря уже о том, чтобы предпринять что-либо в связи с ними. Но никто не мог помешать мне думать и иметь собственные идеи и мысли.

Затем, лет за восемь до эмиграции из Советского Союза, в мою жизнь вошла антропософия. Она вошла в виде нескольких основных книг, но этого было достаточно, чтобы инспирировать и направить моё мышление по практическому руслу. Это означало, в первую очередь, попытаться понять различные аспекты жизни с помощью антропософии. И я попытался, с её помощью, понять окружающие меня пороки и найти средства их лечения. В то время я понятия не имел не только о социальной трёхчленности, но даже о том, что Штайнер занимался социальными проблемами и развил ряд социальных идей. Но у меня были собственные "социальные идеи". Хотя сейчас я могу назвать их таковыми только в кавычках, я думаю, они помогли мне позже, когда я оказался в Англии, пережить встречу с социальными идеями Штайнера скорее как узнавание, чем открытие. Это было также узнаванием их истинности и реальности. В эмоциональном отношении это была для меня очень волнительная встреча. Но помимо эмоций, на основе этих идей и собственного опыта я разработал кое-какие практические идеи в промышленной сфере, в которой я работал в Советском Союзе, чтобы представить их как антропософам, так и людям, не знакомым с антропософией. Однако, трёхчленность человеческого общества оставалась для меня самой насущной социальной необходимостью.

Что касается второй темы, "еврейского вопроса", еврей, живший в Советском Союзе, не мог избежать его – он не дал бы ему сделать это. Меня очень волновал этот вопрос, и антисемитизм как часть его, но особенно меня волновала судьба еврейского народа. И это я тоже пытался понять с помощью антропософии после встречи с ней. В то время я ничего не знал о выявленной Штайнером особой эволюционной миссии еврейского народа – дать физическое тело Христу. В любом случае, меня больше волновало то, что происходило "здесь и теперь". А здесь и теперь было Государство Израиль, которое стало для меня центральной точкой в судьбе еврейского народа. Не для меня одного, разумеется, но меня не удовлетворяли два доминирующих взгляда на этот вопрос, которые в то время разделяли многие, как евреи, так и неевреи. Один был на духовном уровне, и согласно ему создание Государства Израиль свершилось во исполнение судьбы еврейского народа. Я понимал его послышки, но они не проливали свет на настоящую и будущую судьбу еврейского народа и на её смысл. Другой взгляд, в отличие от первого, был на физическом уровне, и согласно ему Государство Израиль является убежищем для еврейского народа. Его правомерность была самоочевидной, но исчерпывается ли роль Государства Израиль только этим? Мне казалось, что в факте его появления на мировой арене должен содержаться более глубокий, духовный смысл. В нём должна содержаться определенная миссия, причём не исключительно еврейского, а общечеловеческого характера.

Поэтому когда Шестидневная война совершила переворот в сердцах и умах советского еврейства, у меня она вызвала смешанные чувства. Я выразил их, и свои мысли, в статье "Из России в Израиль: личный опыт", написанной по просьбе лондонского журнала *Soviet Jewish Affairs* и опубликованной в мае 1972 г. Вот отрывок из неё:

"Я стал всё больше думать об Израиле и об еврейском народе, но уже не в плане горделивого довольства ими, как раньше, а с чувством тревоги за их духовное будущее... сегодня я, среди всеобщей радости по поводу беспримерных побед и успехов, спрашиваю себя: эти победы – а что будет за ними, что будет завтра с нашим народом, для чего мы, пройдя двухтысячелетний путь страданий, чуть не закончившийся полной гибелью, живём сегодня?.. Я не материалист и, естественно, не мог удовлетвориться перечнем трофеев и показателями роста валового продукта Израиля. Более того, они мне казались

теми искусительно-опасными факторами, без которых и существовать нельзя, но только для которых – и существовать не стоит. Мне казалось, что сейчас наступает ответственнейший период в истории еврейского народа, который не только решит, быть нам или не быть, но и – **какими быть**, что, по сути, означает то же самое, и что это решается в Израиле".

Когда я оказался на Западе, откровения Штайнера относительно миссии еврейского народа явились для меня именно этим – откровением, в глубоком значении этого слова. Но они сделали для меня судьбу еврейского народа после явления Христа ещё более непонятной. Действительно, почему евреи, выполнив свою историческую эволюционную миссию, не исчезли с лица земли подобно другим народам? Тем более, что в этом направлении их подталкивали очень мощные силы – диаспора, почти всеобщая ненависть, преследования, принудительное обращение в другую веру и смешанные браки. Несмотря на это, евреи были сохранены Высшими Силами – если мы верим, конечно, что Они стоят за такими значительными эволюционными процессами. Сохранены – но почему? Для чего? Потому что некоторые индивидуумы нуждаются в еврейском физическом теле для своего теперешнего воплощения? Или потому – но такие вещи всегда духовно связаны, – что еврейский народ должен выполнить ещё какую-то задачу? Как человек, принадлежащий к этому народу, и как антропософ, я хотел получить ответы на эти вопросы.

С другой стороны – и это снова вопрос к тем же Силам, – если в дальнейшем существовании этого народа, с эволюционной точки зрения, нет больше ни необходимости, ни смысла, и его дальнейшее существование является аберрацией, то в чём был смысл всех этих преследований, увенчавшихся холокостом – уникальным, по масштабам и исполнению, этническим истреблением при этом в наше время и в цивилизованном мире? Какой урок был преподан евреям или какой кармический долг они отплачивали, особенно если им предназначено покинуть современный мир? Какова конечная цель всех тех страданий, которые причинялись им?

Все эти вопросы, которые я задавал себе и продолжаю задавать – глубокие духовные вопросы, антропософские вопросы. Не мог же я быть единственным человеком во всём антропософском мире, как бы малочислен он ни был, который задавался этими или подобными вопросами. Поскольку у меня самого не было на них ответов, я искал их у других. Очевидным источником был сам Рудольф Штайнер. То, что он говорил о евреях, относилось только к далёкому прошлому. То немногое, что мне стало известно о высказываниях Штайнера по "еврейскому вопросу" в наше время, не было основано на духовных исследованиях и не касалось ни одного из приведённых выше вопросов. Но мне больше повезло с другим источником.

Мне попала статья, в которой автор, помимо прочего, даёт ответ на вопрос о страданиях евреев, видя в них "глубокий смысл", и отвечает на самый загадочный вопрос – о сохранении еврейского народа. Привожу соответствующую цитату:

"Изучая историю евреев за последние 1500 лет, невозможно не задаться вопросом, почему так презираемый и преследуемый народ сумел сохраниться. Их существование даже является настолько значительным фактором, что тревожит весь мир своими проблемами. Глубокая тайна таится в факте сохранения этой нации.

Мы видели, как тесно они были связаны со всей жизнью и деятельностью Христа. Однако ошибка – непризнание Христа – создала новую миссию: остаться той сохранившейся частью человечества, которая была свидетелем распятия Христа. Судьба, которая была обусловлена этим непризнанием, озаряет реальность тех событий в Палестине для других народов. ... Но это не означает, что только отдельные индивидуумы, которые отвергли Христа, будут приведены к Нему. Еврейский народ, застывший в своих традициях,

является сегодня единственным народом в мире, который из прошлого остаётся свидетелем явления Христа. Тот факт, что большинство евреев отвергли Его, является в данном случае менее важным. Этот факт говорит в основном о том уникальном положении, которое занимает сегодня иудаизм. Свидетельство еврейского народа о Христе должно также быть принято во внимание при изучении еврейской проблемы, которая в данный момент должна серьёзно интересовать всех".

Статья была опубликована в виде брошюры под названием "Еврейский вопрос" и с подзаголовком "Проблема человечества". Автор, вполне предусмотрительно, не предлагает никакого решения, но правильный подход к нахождению его не вызывает у него никакого сомнения: "Только ясное мышление, сострадание и этические действия помогут найти правильное решение".

Если некоторые читатели найдут, что эти соображения или сама брошюра с её смелым названием и чётким подзаголовком не соответствуют современному политическому климату, это несоответствие не должно вызвать у них удивления – она была написана в 1944 году. Её автор – видный антропософ и врач Норберт Глас, один из пионеров антропософской медицины. Я нашёл его вышеприведённые мысли очень интересными и заставляющими задуматься, но они не ответили на мои вопросы, касавшиеся Государства Израиля, которого, конечно, ещё не существовало в то время. Мои собственные мысли и соображения на эту тему составляют часть основного текста статьи, к которому я возвращаюсь сейчас, завершив свою личную вставку.

:Жизнеспособность социальных идей Штайнера никогда не подвергалась испытанию, поскольку они никогда не были претворены в жизнь. Ни один народ даже не рассматривал возможность их осуществления. Но если бы мы рассматривали такую возможность сейчас, в наше время, и искали подходящего на эту роль кандидата, мы бы вряд ли нашли народ, который нуждается в этом больше, и является при этом более проблематичным, чем тот, о котором великий русский философ Владимир Соловьёв сказал следующее: "Проходя через всю историю человечества, с самого её начала и до наших дней (чего нельзя сказать ни об одной другой нации), еврейство представляет собой как бы ось всемирной истории".

"Её самое начало" известно из Библии. Создавая еврейскую нацию как "Мой народ", давая ей землю (которая получила название Земли Израиля), одаряя её своим водительством и защитой и даже заключая с ней завет, Бог хотел сделать свой 'избранный народ' особым и великим, примером для других народов. Потому что особой была задача, возложенная на него Богом. Находясь в блаженном неведении относительно этой задачи и находя Божественные методы совершенствования "своего народа" довольно обременительными, народ сопротивлялся и саботировал их при каждом удобном и неудобном случае.

Один пример непослушания молодой иудейской нации представляет для нас особый интерес. Иудеи захотели быть "как прочие народы" и иметь собственного царя. Бог был не очень доволен тем, что *Его* народ пожелал иметь над собой не *Его* правление, а светское. В конце концов, Он уступил. Благодаря этому, как оказалось, в еврейскую историю была вписана одна из славных страниц, с яркими личностями и захватывающими событиями, ставшая частью мирового культурного наследия. Но для еврейского народа это было временем, когда в его жизнь, бывшую до того лишь под *духовным* водительством и правлением, вошёл *политический* элемент.

Первая национальная государственность просуществовала несколько столетий. Прославленное вначале бывшее царство Давида и Соломона раскололось на два, большое и малое, и каждое вело отчаянную борьбу за независимость. Оба потеряли её. Первым было захвачено и разрушено большее

царство, а его десять иудейских колен уведены захватчиками в плен и канули в Лету. Меньшее царство, с двумя коленами, было захвачено и опустошено вавилонскими интервентами. Его столица Иерусалим с великолепным Храмом, построенным Соломоном, была разрушена, и еврейское государство прекратило своё существование. Население, кроме самого бедного и неквалифицированного слоя, было уведено в плен в Вавилон. Это было началом Еврейской Диаспоры, рассеяния евреев по всему миру, которая и по сегодняшний день остаётся основным местом их проживания.

Эта насильственная ссылка не содержала и намёка на то, что ждало евреев в будущем. В Вавилоне им была предоставлена религиозная и профессиональная свобода, а также возможность преуспевать – на благо своих покорителей. Несмотря на процветание, в течение всех этих лет в неволе они испытывали острую тоску по родине, которая отражена в знаменитом псалме:

При реках Вавилонских, там сидели мы и плакали,
Когда вспоминали о Сионе.

.....

Если я забуду тебя, Иерусалим,
Забудь меня десница моя.

Но самым поразительным было то, что полстолетия спустя, как будто их lamentации были услышаны, их уже новые властелины разрешили им вернуться домой вместе со своим имуществом и со священными реквизитами, похищенными из разрушенного Храма. Только небольшая часть вернулась в страну, которая, по сути, уже не была их страной ни политически, ни этнически. Но она была их страной духовно и эмоционально.

Те, кто вернулся, были первыми "сионистами" – и последними в последующие две с половиной тысячи лет. И они были единственной большой группой евреев за всю историю Диаспоры, которые оказались на своей исторической и духовной родине в результате внутреннего влечения, а не внешнего давления. Их целью было восстановить и отстроить свой духовный центр, а не национальное государство. Но вскоре им пришлось бороться за своё национальное и духовное выживание, и в кровопролитной и длительной войне они вышли, в конце концов, победителями. Но завоеванные с трудом независимость и вторая национальная государственность просуществовали недолго – меньше столетия. Затем последовали два тысячелетия Диаспоры, которые увенчались третьей – теперешней – попыткой создания независимой еврейской государственности.

В этой долгой Диаспоре евреи жили, или вынуждены были жить, в общинах, которые впоследствии получили название *гетто*. Были времена и страны, когда и где с евреями обращались хорошо, и их общины процветали. Но по большей части они подвергались остракизму, угрозам и преследованиям и жили в крайней бедности. Везде они были чужаками – в силу либо действующего законодательства, либо отношения к ним местного населения. Часто единственной возможностью выжить или преуспеть были ассимиляция и крещение, и некоторые воспользовались такой возможностью, в то время как многие были крещены насильно. Но большинство осталось верным своему еврейству, вере и традиции. Они приняли свою еврейскую судьбу как необходимость страдания, пока не придёт Мессия и не спасёт их, как им было обещано их Богом.

Что касается их возвращения на утраченную родину, их молитвы содержали эмоциональные и сильные слова, выражавшие одновременно обет и надежду: "В следующем году в Иерусалиме". Но для большинства это было традицией, клятвой верности своему Богу, духовным, а не физическим устремлением. Если они, как община, оставляли место своего обитания, то это было вынужденным перемещением, но пунктом их назначения практически никогда не был тот, что

провозглашался в молитвах. Так продолжалось в течение многих поколений и многих веков. Но ситуация стала понемногу меняться, поскольку мир вокруг них менялся. Новые просвещенческие и либеральные идеи и социально-политические изменения в Западном мире в конце XVIII и начале XIX веков положили также начало процессу эмансипации евреев. Хотя медленно и с перебоями, он вносил некоторые ощутимые улучшения в положение евреев – и обещал ещё бóльшие.

Но ситуация изменилась вновь, на этот раз к худшему, во второй половине XIX столетия. Характерно, что в это время был введён в обращение термин "антисемитизм" – одним из тех, кто его пропагандировал. Разумеется, новый термин не означил появление нового явления, но он ознаменовал наступление новой фазы в старом явлении. До этого враждебность по отношению к евреям носила религиозный или ксенофобский характер и коренилась в примитивных инстинктах и невежестве. Но теперь, в дополнение к этому, она стала идеологией – расистской идеологией, согласно которой евреи принадлежат к физиологически, интеллектуально и морально низшей расе. Также к концу XIX – в начале XX века евреи стали жертвами особенно безобразных преследований и ужасных жестокостей, особенно в России.

Но теперь эти преследования и жестокости получали широкую огласку и стали частью общественного сознания. И они вызвали отвращение многих простых людей и публичное осуждение со стороны ряда выдающихся личностей того времени. Самым значительным, однако, было то, что изменения произошли не только вокруг евреев, но также и в них самих. И те из них, которые оказались больше эмансипированными внутренне, чем внешне, сказали "Нет!" своим преследованиям и преследователям. Они не только, впервые за всю историю Еврейской Диаспоры, дали решительный отпор этим преследователям, но были полны решимости найти кардинальный выход из трагического тупика бездомного и скитающегося Вечного Жида. И выход был найден – перестать скитаться и снова стать "как прочие народы" и иметь свой собственный дом – свою собственную территорию, свою собственную страну, своё собственное государство, свой собственный национальный статус, свою собственную суверенность.

Хотя большинство этих евреев не были приверженцами религии или традиции, они знали, что когда-то евреи имели собственную землю, государство и независимость. И возвращение на эту землю, которая в течение тысячелетий была под властью различных завоевателей, но никогда – местопребыванием какого-либо народа или государства, и которая была теперь фактически бесплодной и малонаселённой, – возвращение на эту землю было для них единственным решением мирового "еврейского вопроса". Таким образом, "В следующем году в Иерусалиме" стало для тех новых сионистов, будь их устремления политическими, национальными или духовными, мощным стимулом и конкретной целью.

Но мир не был ещё готов согласиться на это решение или же предложить евреям какое-либо другое. Ему потребовались ужасы Холокоста, чтобы осознать нужду евреев в собственном национальном доме. Остальное, как говорится, принадлежит истории, с той лишь разницей, что в данном случае история всё ещё продолжается и, судя по всему, будет продолжаться и в обозримом будущем. И поскольку необыкновенная и не прекращающаяся эволюционировать судьба этой "оси всемирной истории" прослеживается с самого её начала до сегодняшнего дня, есть все основания для того, чтобы попытаться узнать, содержится ли в ней не только сугубо национальное, но и нечто общечеловеческое, что может быть полезным и ценным и для других народов, для всего человечества.

Прежде чем предпринять такую попытку, следует упомянуть одно видение судьбы и истории еврейского народа, которое кажется некоторым настолько убедительным и даже самоочевидным, что как бы отбрасывает все остальные точки зрения по этому вопросу. Согласно ему, судьба и история еврейского народа – уникальны. Эта уникальность не ограничена лишь тем фактом, что еврейский народ является единственным древним народом, который, несмотря на

малочисленность, рассеяние по всему миру и преследования, сохранился до сегодняшнего дня. Это единственный народ в истории человечества, с кем Бог заключил завет. И настоящее Государство Израиль является чудесным исполнением этого завета. Ничего подобного в истории человечества не было, нет и быть не может. А нечто уникальное и единственное в своём роде не может содержать в себе ничего универсального, то есть, в данном случае, применимого к другим народам. Универсальным здесь может быть лишь признание другими народами уникальности еврейской судьбы и истории.

Это видение – религиозного характера. В качестве такового оно вполне обосновано и правомерно в пределах этих параметров, которые, по определению, не могут включать всё человечество. Кроме того, его главная посылка об уникальности еврейской нации нисколько не противоречит нашей попытке. Ибо уникальность еврейской судьбы и истории совершенно не исключает того факта, что они содержат в себе нечто общее для всего человечества – духовные, социальные и национальные аспекты жизни, отношения и проблемы. Именно по этой причине история и судьба еврейского народа представляют для нас здесь особый интерес.

Национальная государственность никогда не была предпосылкой и смыслом его выхода на мировую арену и дальнейшего существования. Согласно Библии, Бог дал ему землю обитания и национальный статус, но не государственность. Каковым бы ни было её значение, когда он всё же получил её, она просуществовала недолго. В конечном итоге он потерял и землю, и после этого, в течение последующих двух тысячелетий, главным принципом его существования, со всей очевидностью, было не *где* жить, а *как* жить или даже *выжить*. Только когда следовать этому принципу стало невозможно почти нигде в мире, возникла необходимость в убежище, надёжном и своём собственном. Эта необходимость была настолько неотложной, что даже местонахождение убежища казалось некоторым не столь важным. Но исторические, национальные и духовные связи были столь очевидны и крепки, что игнорировать их было невозможно, и все они указывали в одном направлении – на принадлежавшую им когда-то Землю Израиля. В то время как прошлое продиктовало местонахождение убежища, настоящее продиктовало его форму – национальное государство. Таким образом, можно смело утверждать, что современная государственность была навязана еврейскому народу.

Но можно ли так же утверждать, что все остальные народы устроены по-другому и что их собственная государственность навечно вписана в их национальный характер и судьбу и является насущной потребностью их индивидуальных членов? Для таких утверждений нет никаких оснований. Каковы бы ни были субъективные чувства и мысли этих индивидуумов, объективная и духовная реальность не может быть таковой. Тот факт, что человечество воспринимает себя сегодня как "семью народов" – или, говоря точнее, как совокупность национальных государств, – является исторической необходимостью. Но она временная по своей сути, и её эволюционная значимость принадлежит прошлому, а не будущему и даже не настоящему. Проблема состоит в том, что в переходном и тревожном настоящем люди чувствуют себя уютней, живя привычным старым, чем идя навстречу неизвестному новому.

Создание современного еврейского государства явилось той же исторической необходимостью. Но какой бы насущной эта необходимость ни была, в то время или сейчас, это не меняет её временного характера. Выполнение требований этой необходимости создало совершенно новую реальность. Образовав своё национальное государство, еврейский народ решил, или частично решил, некоторые свои проблемы, но при этом создал новые, для себя и для других. Даже если некоторые из этих проблем проистекают из особой еврейской судьбы или особых местных условий, они по большей части являются не специфически еврейскими, а общими для всего человечества. Поэтому их решение

может быть только общечеловеческим по своей сути и основываться на общечеловеческих принципах. Осознание этого является первым шагом на пути к этому решению.

Это возвращает нас вновь к социальной трёхчленности, которая постулирует такие принципы и является эволюционной необходимостью для современного человечества. Пока же ни один народ ни одного государства не знает по собственному коллективному опыту истинного смысла свободы, равенства и братства. Они даже не на пути к такому знанию. Евреи, в качестве незваных гостей других народов, были прямыми жертвами этого незнания. На протяжении веков они были жертвами пороков социальной и духовной жизни обществ, в которых они жили. Но теперь, после очень долгого перерыва, они снова являются главными вершителями своих дел и даже влияют на дела других. Этот двойной и уникальный опыт жертвы-хозяина собственной судьбы должен позволить им увидеть и понять пороки современного мира. Самое же главное, он даёт еврейскому народу уникальную возможность исправить или, по крайней мере, попытаться исправить эти пороки – осуществить то, чего не удалось другим.

"То, чего не удалось другим" – это создание таких условий жизни в обществе для каждого индивидуума, которые позволили бы ему в полной мере ощутить реальность воплощённых в жизнь принципов свободы, равенства и братства. Если в роли жертвы евреи более кого-либо другого ощутили на себе отсутствие этих жизненных принципов, то в роли хозяина они должны в не меньшей степени почувствовать и осознать необходимость их воплощения. Но внутренние и внешние условия жизни Израиля и израильского общества таковы, что не сразу, пожалуй, отыщется другое место на земле, где осуществление этого представлялось бы столь трудным. Этот древне-молодой народ пытается осознать себя и свою новую сущность. Многочисленные религиозные, культурные, этнические и политические различия и интересы наполняют собой общественную жизнь страны, в которой ценности и образ жизни больших групп населения несовместимы друг с другом. При этом пятая часть её граждан не признают Израиль в качестве своего государства. Не говоря уже о практически перманентном состоянии войны, в котором находится страна с момента своего создания. И очень нелегко найти этому народу своё место в мире, который всё ещё не может простить ему свою многовековую несправедливость по отношению к нему.

И всё же, если история и судьба еврейского народа, как и его настоящее, учат нас чему-то в сфере человеческого общежития и общественного устройства, то именно тому, что социальная трёхчленность является единственным выходом из того безнадежно запутанного клубка проблем, в котором человечество, а Израиль и израильский народ в особенности, оказались сегодня.